

История философии

81 Философия сегодня и завтра.

Доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

На этом последнем занятии я решил, вместо того чтобы добавлять какие-то конкретные детали о чем-то новом, закончить несколькими общими замечаниями. Очевидно, что история философии еще не завершена. Это очевидное утверждение, которое, конечно, может звучать немного странно, когда мы заканчиваем историю философии, что она еще не завершена, потому что история продолжается.

Позвольте мне кратко охарактеризовать некоторые важные аспекты современной философии, одновременно заглядывая в будущее, поскольку те из вас, кто продолжает интересоваться философией, будут проявлять к ней наибольший интерес в будущем. И хотя мы не можем предсказать будущее, мы можем, по крайней мере, подготовиться к тому, что может произойти. Первая общая характеристика современной философии, как мне кажется, вам уже знакома, а именно, контраст между континентальной европейской мыслью и англоязычной философией, который иногда выражается как контраст между феноменологией, феноменологической традицией, и аналитической философией.

Однако дело в том, что, подобно тому как эмпиризм расширился, и узкое понимание эмпиризма, которое мы находим у Милля и Рассела, больше не применимо, благодаря расширению и смягчению толкования обыденного языка и других вещей, так и термин «аналитический» теперь чрезвычайно расплывчат. Он больше не относится просто к логическому анализу Рассела или, альтернативно, к анализу обыденного языка, а аналитическая философия теперь — это практически любая философия, которая пытается анализировать понятия и аргументы и, в этом смысле, мыслить более детально. Я помню, как несколько лет назад писал доклад для философской конференции в Северном Иллинойсе, и один из участников, Мейсон Майерс, сказал мне в свете моего доклада: «Ну, вы аналитик, а я никогда не считал себя аналитиком, но я пытался разобраться в некоторых запутанных вещах, и, думаю, в его книге это сделало меня аналитиком». Так что в этом отношении терминология сегодня гораздо более расплывчата.

Это разные философские стили. Феноменолог, как вы знаете, склонен описывать, а не строить аргументы. Он считает, что, увидев описываемое, вы поймете суть.

Истина открылась сама собой, тогда как англоязычный философ, скорее, склонен накапливать аргументы и доводы «за» и «против», пытаясь сделать

выводы. Но это различия в методологии, различия в намерениях. Этот раскол, который мы наблюдали исторически, продолжается, и, я думаю, вы должны сказать, что между ними мало взаимопонимания и зачастую мало взаимного уважения.

Аналитики часто пренебрежительно отзываются о феноменологическом подходе, а феноменологи — об аналитическом, что создает жалкое положение дел. В самом деле, в восточном отделении Американской философской ассоциации, а именно в Пенсильвании и на востоке, ситуация сильно политизирована, и профессия расколота. И это несмотря на то, что некоторым известным личностям удалось удержаться в обоих лагерях.

Один из таких людей — Ричард Рорти, о котором мы уже упоминали. Его постмодернистская книга «Философия в зеркале природы» опирается на труды самых разных авторов, от Витгенштейна до Гадамера и Фуко, представляющих оба направления. А на другом конце страны Юбер Дрейфус, Дрейфус, Юбер Дрейфус из Беркли, также, кажется, успешно балансирует между двумя направлениями и умеет взаимодействовать и работать с людьми из обеих традиций.

Однако большинство философских факультетов в Соединенных Штатах в том или ином смысле, в широком смысле, в подавляющем большинстве своем являются аналитическими, с, возможно, одним феноменологом-символом. И есть некоторые исключения. Есть несколько факультетов, которые в подавляющем большинстве своем являются феноменологическими, возможно, с одним аналитиком-символом.

Сразу же на ум приходят преимущественно феноменологические примеры. Один из них — Университет Дьюкейна в Питтсбурге. Другой — Государственный университет Нью-Йорка в Стоуни-Брук.

Есть те, кто пытается усидеть на двух стульях. Например, Северо-Западный университет, хотя по сути у них, по сути, две разные программы для аспирантов. Бостонский колледж, Католический университет в Вашингтоне и так далее.

Но в целом картина такова, что философия в Америке носит преимущественно эмпирический и аналитический характер. Это методологическая характеристика. Именно поэтому я склонен сказать тем, кто хочет продолжить заниматься философией: не делайте этого, если вы не готовы к определенному объему аналитической работы.

А если вы не можете работать с такой детализацией и у вас нет к этому склонности, не занимайтесь философией. Если вас вдохновляет и увлекает история идей, а не работа с проблемами, аргументами, концепциями и так

далее, тогда, возможно, вам следует заняться историей идей, а не философией как таковой, которая, как правило, гораздо более скрупулезна в своем внимании. Хотя, честно говоря, я не думаю, что история идей оказывает такое же значительное влияние на историю, как философия на историю идей.

Так что, если вас интересует непосредственное участие в формировании истории, то это философия. Но если вы предпочитаете жить прошлым, то это история идей. Вот первая общая характеристика.

Вторая общая характеристика заключается в том, что в западной мысли, и, знаете, сейчас довольно сложно определить, что именно подразумевается под «западной», год или два назад мы подразумевали западную часть страны, расположенную к западу от железного занавеса. Да, давайте и сейчас будем понимать это именно так.

Философия Западной Европы и англо-американская философия. В целом, преобладает научный натурализм. Что в популярной терминологии означает светский гуманизм?

Когда я говорю о научном натурализме, я, конечно же, имею в виду ориентацию на научное знание как на подлинный вид знания и философский натурализм. И это философское направление, распространенное в университетском мире на Западе. Но с некоторыми оговорками.

Христианский теизм, несомненно, является доминирующей философией в философии религии, доминируя в философии религии в англо-американской мысли. 20, 30, 40 лет назад это было не так. Так было на рубеже прошлого века.

Между тем, конечно, процесс секуляризации усилился. Но я помню, как в 50-е годы на съезде Американской философской ассоциации в Сент-Луисе молодой католик-мирянин, заносчивый парень из Пенсильванского университета, по имени Джеймс Росс, выступил с докладом под названием «Шотландский аргумент в пользу существования Бога». Все пытались его разнести в пух и прах и искать в его аргументах слабые места, но он всем им противостоял.

И когда зрители начали покидать зал, я услышал, как один философ сказал другому: «В этом должно быть что-то не так. Я не вижу, что именно, но это никак не может быть правдой». Это было характерно для 50-х годов.

Примерно через 10, может быть, 15 лет после этого, в том же отеле в Сент-Луисе, на другом заседании Американской философской ассоциации, я председательствовал на панельной дискуссии с участием трех деятелей философии религии. Джордж Мавродис, Мичиганский университет, евангелист.

Дик Патил, Западно-Вашингтонский государственный университет, католик-мирянин.

Стэн Кейн из Майами и Огайо, евангельский проповедник. Вот мы вчетвером, исповедующие христианство, проводим панельную дискуссию о проблеме зла, и нас тут же окружили. Такое не могло произойти в 50-е годы.

Сегодня никто даже не станет это комментировать. Это просто общепринятая точка зрения, и все об этом знают. Философия религии, передовые направления в этой дисциплине, определяются христианскими мыслителями — католиками, протестантами, включая евангелистов.

А за последние, скажем, семь, восемь, семь лет, четверо президентов Центрального отделения Американской философской ассоциации были, я уже говорил, евангелистами? Были христианами. В некоторых случаях — евангелистами. Элвин Плантинга, Уильям Алстон, Алан Донеган и Николас Волтерсторфф — несколько недель назад.

В 50-е годы о таком и речи быть не могло. Так что это позволяет сделать вывод. Хочется надеяться, и, заглядывая в будущее, естественно, надеяться, что подобное христианское присутствие в философии окажет столь же значительное влияние и на другие области философии, как и на философию религии.

Сейчас это присутствует в метафизике и эпистемологии, потому что философия религии открывает путь в эти области. Это присутствует и в этике, но в этих других областях это просто не так доминирующе, как в философии религии. Доминирование по-прежнему принадлежит научному натурализму.

Влияние таких людей, как Куайн. Теперь, еще одно уточнение, которое необходимо сделать к этому обобщению, связано с появлением постмодернизма в его различных проявлениях. Проявление антиреализма в философии науки.

Антиреализм в этике. Антиреализм в эпистемологии, Ричард Рорти и компания. И антиреализм в религии, но в гораздо большей степени в теологии, чем в философии религии.

Иными словами, среди профессиональных теологов антиреализма больше, чем среди профессиональных философов религии. Поэтому в ряде университетов христианская ортодоксия гораздо чаще встречается на философском факультете, чем на теологическом. И некоторые историки утверждают, что сегодня философами занимается больше теологией, чем теологами.

Но постмодернизм, со всеми его проявлениями, включая плюрализм религиозной мысли, безусловно, присутствует. Сможет ли он всерьез бросить вызов доминированию научного натурализма, покажет время. Лично я этого не ожидаю.

И я этого не ожидаю, потому что постмодернизм, плюрализм, антиреализм и релятивизм — это просто старые идеи в новом обличье. В данном случае это пасхальное воскрешение. Иными словами, у нас долгая-долгая история скептицизма и релятивизма в эпистемологии, восходящая к самым истокам философских исследований в области эпистемологии.

Поэтому я не ожидаю, что постмодернистский релятивизм и антиреализм станут доминирующими. Я ожидаю, что это будет ключевой проблемой в течение следующего десятилетия, возможно, двух десятилетий. Но я не ожидаю, что это будет захват власти в каком-либо смысле.

Есть и другие недавние тенденции, которые, вероятно, сохранятся и будут развиваться. Интерес к метафизике, о котором я говорил в прошлый раз, вырос из развития философии языка. Я склонен думать, что развитие метафизики будет самоподдерживающимся, а не будет поддерживаться философией языка.

Философия языка — это то, чем нужно заниматься после того, как вам все говорили, что метафизика бессмысленна. Но как только вы начнете, она станет самодостаточной. Для поддержания интереса к философии языка не требуется много усилий.

Поэтому я ожидаю, что метафизическое развитие будет продолжаться с особым акцентом на взаимосвязи разума и тела. Проблема разума и тела — это область, в которой ведется большая работа. И именно здесь у дуализма разума и тела есть очень красноречивые философские защитники, такие как Ричард Суинберн, который был здесь, в кампусе, всего пару лет назад.

Изменения в этике, вероятно, также продолжатся. Одним из наиболее значительных изменений, произошедших в результате активизма 1960-х годов, стало возвращение к прикладной этике. Почему возвращение? Этика обсуждалась в прикладном контексте на протяжении всей истории, и, безусловно, это делали такие люди, как Бентам и Милль.

Итак, в дело вмешалась дискуссия о метаэтике. Это своего рода концепция, представленная в «Principia Ethica» Джорджа Мура, где он начал задаваться вопросом о значении добра и развил свою интуитивистскую позицию. Значение этических терминов.

И, конечно же, это было лишь подтверждено заявлением Эй-Джей Эйера о том, что такие термины не имеют эмпирической привязки. Таким образом, если у них нет эмпирической привязки, то моральные суждения не имеют фактического значения. И для преодоления этого крайне важно снова обратить внимание на метаэтические проблемы.

Что означают наши этические термины, если они вообще имеют смысл? Суть в том, что, возможно, в начале века, на протяжении 40 или 50 лет, основное внимание философской этики было сосредоточено на метаэтических проблемах, практически затмив прикладные этические вопросы. Но отчасти потому, что это препятствие было преодолено, а отчасти благодаря активности 60-х годов, прикладная этика стала самостоятельной и динамично развивающейся областью. Это можно увидеть, просто взглянув на учебную программу в таком учебном заведении, как Уитонский колледж.

В 50-е годы в колледже, к нашему стыду, не было курса прикладной этики. 60-е годы, я полагаю, стали для нас настоящим ударом, как тонна кирпичей. И мне кажется, что первое, что было сделано в плане учебной программы, произошло именно в 60-е годы, когда вопрос призыва во Вьетнамскую войну волновал студентов-мужчин, и многие из них мучительно размышляли над этим вопросом.

Я начал преподавать курс под названием «Война и христианская этика», по итогам которого был издан сборник, который вы, возможно, видели в книжном магазине. Хотя он и перестал издаваться, во время войны в Персидском заливе его снова выпустили. Издатель был начеку. Но по мере того, как война, Вьетнамская война, утихала, этот курс был расширен и превратился в курс, который мы называли «Социальная этика», а теперь он называется «Этика, право и общество».

Но по сути, это был первый за довольно долгое время курс прикладной этики, который проводился здесь, в Уитонском колледже. Ну, теперь вы знаете, что вас ждет. Деловая этика, биоэтика, этика СМИ, этика и международные отношения и так далее.

Но это справедливо для всей страны. И это крупнейшая философская отрасль в стране — прикладная этика. В сфере прикладной этики всегда есть работа.

Я убежден, что это будет продолжаться, просто потому что это возвращение к тому, чем философы занимались исторически. Однако здесь есть вопросы, которые необходимо рассмотреть. Один из них, для христиан в философии, — это взаимосвязь между философской и теологической этикой.

Взаимосвязь между философской и теологической этикой. И я думаю, что на протяжении многих лет они были в этом отношении несколько разделены. В основном, теологические этики занимались динамикой этической жизни.

Иными словами, в них используются такие понятия, как грех и благодать. В то время как философская этика занимается вопросами принятия этических решений, применяя принципы в этом процессе. И поскольку, следовательно, задачи этих двух областей различаются — теологическая этика имеет разные цели, чем философская, — интеграция теологии и философии происходит относительно слабо.

За исключением некоторых очевидных моментов, таких как теории божественных заповедей или этика естественного права, и тому подобное. Однако развитие этики добродетели приносит свои плоды. Этика добродетели, как вы помните, в определенной степени зародилась благодаря Аласдеру Макинтайру.

Сегодня утром я разговаривал с ним по телефону, пытаюсь уговорить его приехать на нашу конференцию здесь, в 93-м году, но он отказался. Так что мы продолжаем попытки. Думаю, это уже третья попытка.

Но, под влиянием книги Макинтайра «После добродетели», где он, по сути, возложил все низменные аспекты Просвещения на этику принципов и принятия решений и, по сути, призвал к возвращению к аристотелевской традиции с этикой добродетели, это развитие, очевидно, оказывает и неизбежно окажет определенное влияние на взаимосвязь философской и теологической этики. Потому что, если вы говорите о развитии добродетелей, вы говорите о динамике нравственной жизни и вопросах, где задействованы грех и благодать. И, я думаю, показательной в этом является работа нашего Боба Робертса, который, кстати, находится на переднем крае того, что происходит в этике добродетели.

Его работы постоянно цитируются в научных статьях, где можно увидеть его четкое включение христианского понимания человеческой природы, греха, благодати, и в то же время витгенштейновский анализ концепций ценностей, концепций добродетели, неустанное стремление прояснить добродетель, ее функционирование и связь с соответствующими эмоциями и так далее. Поэтому я думаю, что здесь мы видим нечто, что будет продолжать развиваться. В этих характеристиках и прогнозах вы видите мою озабоченность присутствием христианства в философии.

И я надеюсь, вы видите эту озабоченность. Я надеюсь, вы видели эту озабоченность, пронизывающую всю историю философии. По сути, это и есть история.

Знакомо? Дело в том, что мы говорим о множестве исторических традиций. И в традиции теистической философии, философии, изучаемой с теистической точки зрения, существует множество её разновидностей — иудейская, исламская, христианская, это три основные теистические религии, разумеется. И в христианской теистической традиции также наблюдается подобное разнообразие.

Итак, когда я говорю о христианской философии в прошлом, настоящем и будущем, я хочу охарактеризовать её четырьмя способами. Во-первых, как перспективную традицию. Возможно, это уже два способа само по себе.

Традиция в том смысле, что существует непрерывная история христианской мысли в философии. И я использую это слово намеренно. Иногда христианские философы создают впечатление, что философией занимаются, отбрасывая свои теологические убеждения, свои собственные взгляды, ценности и интересы.

Я думаю, это не только бесчеловечно. Я думаю, это невозможно для человека. Помните, как мы ограничивали этот феноменологический подход? Ограничение, приостановка суждения, то, что пытался сделать Декарт, просто никогда не бывает полностью осуществимо.

Это не подходило Декарту. Это не подходило Гуссерлю. Занимать совершенно нейтральную позицию, быть совершенно нейтральным, когда в глубине души ты таковым не являешься, — это самообман.

Таким образом, мне кажется, что путь интеллектуальной честности заключается в том, чтобы признаться. То есть, быть предельно откровенным в отношении своей позиции. Признать это.

Чтобы понять, как это влияет на ваше мышление. Чтобы понять, как позиции других людей влияют на их мышление. Делайте соответствующие корректировки.

Когда эти два момента совпадают, это хорошо. У вас есть соглашение. Но два человека могут верить в одно и то же по разным причинам.

Итак, я говорю не о работе на нейтральной основе. Некоторые используют термин «пресуппозиция». Для меня же термин «пресуппозиция» подразумевает предпосылки для дедуктивных аргументов.

Предпосылка — это своего рода фундаменталистская предпосылка. За исключением того, что если это предпосылка, то это не бесспорное основание, понимаете? Что ж, в той мере, в какой эта фундаменталистская модель

дедуктивных систем подразумевается, по крайней мере, возможно, обозначается, но по крайней мере подразумевается термином «предпосылка», я не хочу говорить о христианской философии как о работе с христианскими предпосылками.

Я бы скорее сказал «перспектива». Термин «перспектива» позволяет мне сказать, что существуют не только сформулированные утверждения, которые я считаю истинными, но и определенные ценности и соображения, которые мотивируют и направляют процесс отбора, а также мыслительный процесс. Перспектива состоит из убеждений, взглядов, ценностей, понимаете.

Итак, это постспективная традиция. Во-вторых, я хочу сказать, что христианская философия носит исследовательский характер. То есть это процесс, а не готовый продукт.

Это процесс, а не готовый продукт. Идея завершить работу раз и навсегда противоречит непрерывному характеру философских исследований, где постоянно возникают новые вопросы и проблемы. Философия подобна историческому диалогу между людьми со схожими и различными убеждениями.

И диалог, подобно диалогу Платона, никогда не заканчивается. Он продолжается. Поэтому я утверждаю, что история философии не завершена.

Это бесконечная болтовня. Во-третьих, помимо этих двух моментов, я хочу сказать, что это плюралистическое начинание. Я стараюсь использовать термин «христианская философия» без определенного артикля.

Христианская философия. Это традиция, отличающаяся большим разнообразием. Разнообразие обусловлено различными философскими методами, возможно, различными философскими взглядами, и, безусловно, различными богословскими традициями, которые будут влиять на некоторые ключевые вопросы.

Всё многообразие факторов порождает интеллектуальные различия. И я считаю такой плюрализм здоровым явлением. Если вы цените тот самый врожденный критический процесс, который заставляет вас думать, развиваться и самокорректироваться, то вам нужны люди, которые с вами не согласны.

И мне кажется, что, не во всех отношениях, но по крайней мере в некоторых, разнообразие внутри христианской традиции и христианской церкви полезно. Оно должно поддерживать нашу самокритичность, скромность, предотвращать однобокость, к которой склонны люди. Мы просто замечательные неумехи.

Итак, плюралистический подход. И я хочу добавить целостный. Мне кажется, что именно христиане в философии должны мыслить в целом, а не с ограниченным кругозором, с шорами на глазах, работая в каком-то подразделении какой-то поддисциплины философии.

Нет, независимо от того, над какими конкретными задачами работает человек, христианину, безусловно, необходимо иметь полное представление о ситуации и рассматривать вещи в целом с точки зрения христианского мировоззрения, соответственно, сосредотачиваясь на них. Мне кажется, это имеет ряд важных преимуществ, и не в последнюю очередь это влияет на выбор направления работы, которым занимается философ. Позвольте мне провести аналогию с вашим решением о том, чем вы будете заниматься после окончания учёбы.

И вопрос, который некоторые из нас задают вам с того момента, как вы выбираете специальность. По сути, это вопрос, на который вы должны ответить в контексте христианского мировоззрения, управления своей жизнью и своими талантами с точки зрения того, что может быть стратегически важным и так далее. И я помню панельную дискуссию, в которой я участвовал несколько лет назад на встрече Общества христианских философов в Вашингтоне. Элвин Плантинга был в составе участников, и нас попросили рассказать о том, как христианство влияет на нашу философию.

И Плантинга встал и сказал: «Я думаю, что его влияние в первую очередь проявляется в том, над чем я буду работать. Какую проблему я собираюсь решить?» Стратегическая проблема заключается в общей природе христианского мировоззрения. И я думаю, что это, скорее всего, так и есть.

Однако, если это единственное соображение, то оно имеет некоторые неприятные последствия. А именно, если вы объявляете конкурс на вакансию в области философии, как мы это сделали недавно, и начинаете накапливать эти горы писем с запросами, резюме и всего остального, то обнаруживаете, что 90% из них относятся к философии религии, а в этой области нам помощь на данном этапе не нужна. Поэтому мне кажется, что вопрос управления должен рассматриваться не только с точки зрения того, что стратегически важно для христианской мысли, но и с точки зрения того, что стратегически важно для христианской мысли в целом в рамках христианской философии на данном этапе истории.

Вы видите гораздо более широкую картину. Поэтому я бы призвал некоторых из вас задуматься о переходе в область метафизики, философии науки. А какая, на мой взгляд, из всех философских областей является наиболее заброшенной? Эстетическая теория.

Эстетическая теория. Да. Давайте посмотрим.

Ну, просто для иллюстрации, то, над чем я сейчас работаю, я, возможно, уже упоминал об этом, работаю уже два или три года, и буду работать еще пару лет, — это, по сути, объективная основа для моральных суждений. Что является основой в объективной реальности? Для этики, понимаете. И вы получаете некоторые из этих сведений, которые я находил в течение года, потому что это исторические сведения.

Мне бы хотелось верить, что, когда я в последний раз буду преподавать этот курс, вероятно, через пару лет, я смогу включить в него все, что из него почерпнул, но, скорее всего, это не так. Так что следите за обновлениями. К концу курса он будет отличаться от нынешнего, просто из-за того, что нужно будет сделать.

Итак, будущее философии неопределенно. Оно еще формируется. И, думаю, последнее, что я хочу сказать, прежде чем мы, если хотите, уделим 15 минут обсуждению, это то, что будущее философии отчасти зависит от таких людей, как вы.

И я говорю это совершенно серьезно. За десятилетия, что я преподавал часть или весь этот курс истории философии, вы, студенты этого курса, добились самых разных успехов. Среди них были президенты колледжей.

Есть профессора семинарий. Есть люди, которые публикуют философские работы уже 20 или 30 лет. Есть люди, не связанные с философией, такие как Марк Нолл и Роджер Лундин.

Люди, которые своим трудом формируют историю христианской мысли и, в некоторых аспектах, историю мысли в целом. Именно из таких людей и создается история. Историю создают такие люди, как вы.

Вы увидите. Именно такие обычные люди, как мы, распоряжаясь своими дарами, вносят свой вклад в историю философии и в историю наших дней. Поэтому я не знаю, как еще закончить такой курс, кроме как комментариями вроде «философия сегодня, точка, точка, точка, и завтра, точка, точка, точка», оставив вам самим додумывать.

Дотти, мы такие, какие есть. Хорошо, 15 минут, вопросы, обсуждение. Да.

Да. Новые версии старых вещей. Да.

Да, понимаете, старое — это данность различных традиций. Новое — это то, что появляется по ходу дела. Да.

Да. Если одна из этих традиций — теистическая, а другая, как сегодня принято по-другому разрезать блинный торт, — релятивистская традиция, хорошо, если добавить сюда постмодернизм, — релятивистская традиция, что нового? Ну, релятивизм софистов несколько отличается от скептицизма Дэвида Юма и постмодернизма. Почему и как? Ну, давайте сначала сравним эти две традиции.

Я помню, как читал книгу, написанную в XVIII веке, под названием «Вечера со скептиками». Она звучала как уютная книжка, написанная ещё до появления телевидения. Но она была полна отсылок к Пиррону, Авелису, Карнеаду и всему такому прочему.

Но интересно то, что, несмотря на обилие отсылок к этому, очевидно, что это произведение находилось под влиянием ньютоновской науки и содержало критику ньютоновской науки. Были рассмотрены некоторые ключевые вопросы, которые становятся предметом внимания в скептицизме типа Юма. Идея необходимой связи, проблема индукции, может ли разум определять, что морально правильно, и тому подобное.

А теперь вы здесь. Здесь в основе лежала ньютоновская наука. Здесь же сработала гораздо более реляционная, органическая модель, в которой мы признаем взаимозависимость каждого аспекта жизни и культуры от других вещей, так что ваша философия будет определяться, подразумевается, во многом определяется вашей расой, вашим полом, вашим социально-экономическим классом, понимаете, просто из-за взаимосвязи вещей в этой органической модели.

Вы видите появление еще одной модели? Да. Не знаю. Несколько лет назад я думал, что появляется четвертая модель, которую я называл персоналистической.

Я думал о шотландском философе Джоне МакМюррее, о котором сейчас практически никто не слышал, поэтому я не так много о нем говорю. Это всего лишь мечты. Но Джон МакМюррей написал книгу под названием «Я как субъект действия», а также еще одну, «Личности во взаимоотношениях».

Ряд других вещей. Это было, или, если попытаться связать это с тем, что вам знакомо, это определено было посткантовским подходом. Кантовское понимание личности, достоинства личности, во многом напоминало подходы некоторых более персоналистских экзистенциалистов в том смысле, что они хотели делать акцент на «ты», а не на «это».

Отличительной чертой отношений «я-ты», а не «я-оно». Но в любом случае, его акцент на этом был подхвачен рядом писателей, философов, теологов, этиков и

так далее, так что они проводили то, что можно назвать категориальным различием, различием категорий, между людьми и другими вещами. Натурализм — это редукционистская позиция, и одна из проблем метафизики Уайтхеда заключается в том, что он, по сути, сводит людей к простым сложным событиям без какой-либо категориальной отличительности.

МакМюррей проводил категорическое разграничение, и я думаю, это было очень полезно. Среди писателей, находившихся под его влиянием, был теолог, новозеландец Роберт Блейки, написавший книгу, которая называлась, как она называлась? «Светская религия и Бог, Который Действует», что-то в этом роде. Хельмут Тильке, не обязательно находившийся под его влиянием, разработал несколько схожие теологические позиции.

Но мне кажется, что эту позицию необходимо развивать, как я уже сказал, необходимо развивать. Если ключевые понятия христианской веры включают в себя не только трансцендентность личностного Бога, но и качественную уникальность человеческой личности, отличную от всего остального, то это необходимо включить в нечто большее, чем просто игру с проблемами разума и тела. Поэтому мне хотелось бы думать, что одним из результатов некоторых современных тенденций может стать именно это.

Интересно, что в прикладной этике, и я упоминал об этом, когда мы говорили об этике со времен позитивизма, кантовский принцип уважения к личности повторяется, обновляется. Возможно, сегодня он более распространен в прикладной этике, чем некоторые старые утилитаристские подходы. Три основных принципа или подхода, кажется, сводятся либо к утилитаризму, либо к уважению к личности, либо к некоторому контрактарианскому обоснованию.

Поэтому я думаю, что для того, чтобы обосновать договор и уважение к личности, и если вам нравится утилитаризм, который не сводится к простому максимизированию блага для всех, включая и капусту, и королей, вам необходимо какое-то категорическое разграничение. Карл? С точки зрения априорного знания, в этом отношении, я думаю, я должен сказать нет. Я думаю, я должен сказать нет.

Иными словами, врожденные идеи просто не принимаются. В наши дни обсуждается априорная природа логических истин вида A равно A равно не- A . Возможно, и априорные структуры других типов, но даже кантовские категории знают, что они довольно хорошо релятивизированы в неокантовском направлении.

Так что нет, я думаю, что в этом отношении общий настрой остается в некоторой степени эмпирическим, и я думаю, что это верно и для европейской мысли, по крайней мере, в отношении априорных структур мышления. Да. Акцент

Гуссерля на интенциональности — это не столько структура мышления, сколько структурированный способ взаимодействия с другим, понимаете.

Поэтому я склонен рассматривать феноменологию как другой вид эмпиризма, в широком смысле, который больше фокусируется на внутреннем, чем на внешнем смысле. Да, так что нет, я не думаю, что это рационалистическое направление сохранилось. Некоторые сказали бы, что оно сохранилось у Гегеля, но чистые, истинные гегельянцы — довольно редкий вид в наши дни.

Да. Хорошо, что-нибудь ещё? Ну, давайте на сегодня закончим, и мы получим ваши результаты анализов к среде. Кто-нибудь не получил результаты анализов? Поднимитесь со мной в кабинет, у меня есть несколько там.